нении „О гражданской жизни" особое внимание уделяет распределительной справедливости, почеркивая, что только личные заслуги человека перед обществом могут стать мерилом достоинства гражданина, в соответствии с которыми и следует распределять общественные блага, почести, должности. Пальмиери предлагает изменить установившуюся порочную практику, полагая возможным опереться в этом на постижение всеми гражданами «науки жизни» — этики, в которой он видит главное средство нравственного совершенствования личности и общества» (*Брагина Л. М.* Указ. соч. С. 24—25).

[36] «Классовой ненавистью эксплуататора к эксплуатируемым пронизано учение Платона о государстве» (История философии: В 4 т. / Под. ред. М. А. Дынника, М. Т. Иовчука, Б. М. Кедрова, М. Б. Митина, О. В. Трахтенберга. М., 1957. Т. 1. С. 109). См. также обсуждение статьи «Платон» в «Философском энциклопедическом словаре», отзывы о Платоне В. Е. Тимошенко и Б. В. Мееровского (К обсуждению «Философского энциклопедического словаря»: Обзор писем // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1987. № 2. С. 63—66).

[37] См.: *Иванов В. Г* История этики древнего мира. Л., 1980. С. 160. Ср.: «В платоновской утопии на первый план выдвигается нравственный принцип» (*Асмус В. Ф.* Платон. М., 1975. С. 145).

[38] *Jaeger W* Op. cit. P. 14.

[39] *Dodds E. R.* Op. cit. P. 207.

[40] См.: *Егунов А. Н.* Указ. соч. С. 11.

[41] См.: Там же. С. 9.

[42] См.: *Богомолов А. С.* Античная философия. М., 1985. С. 184.

[43] См.: *Платон.* Соч. Т. 3, ч. 1. С. 287 (595 с).

[44] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 326.

[45] См.: *Демокрит* (602—604 Лурье), а также: *Столяров А. А.* Указ. соч. С. 26, 27.

К 95-летию А. Ф. ЛОСЕВА

Редколлегия ежегодника отмечает юбилей Алексея Федоровича Лосева публикацией главы из его рукописи о средневековой диалектике. Всего лишь несколько месяцев не дожил А. Ф. Лосев до своего 95-летия. И тем острее сейчас, в год юбилейного подведения итогов, переживается нашей наукой невосполнимость утраты.

Вклад Алексея Федоровича в историко-философскую науку известен в нашей стране каждому гуманитарно образованному человеку. Его работы содержат в себе не только огромный и тщательно проанализированный материал античной и европейской культуры, но и многоплановые диалектические конструкции, которые воспринимаются как одно из самых значительных событий в истории диалектики последнего столетия. По праву его труды признаны классикой нашей философской, историко-культурной и филологической литературы.

Цикл работ А. Ф. Лосева, появившийся в 20-е годы, впервые представил новую историко-философскую концепцию и остался теоретическим ядром всех его дальнейших построений. 1927—1930 гг. ознаменовались в его творчестве прямо-таки фейерверком публикаций: одна за другой выходят книги, в которых, несмотря на разнообразие тем (музыка, мифология, символ, диалектика, античная культура) вырисовывается цельное, направленное против абстрактного идеализма и механистического материализма мировоззрение. Но этому экстенсивному периоду предшествовало

заполненное напряженной духовной работой десятилетие. А. Ф. Лосев закончил историко-филологический факультет Московского университета в 1915 г. Это период начала великих перемен в европейской и мировой истории, период связанных с этим острых идейных споров, соединений и размежеваний, выбора путей. В России в это время борьба идей, в которую был вовлечен и молодой ученый, достигает особого напряжения. Запад переживает спад первой волны новейшей философии: позитивизм и «философия жизни», не говоря уже об академической философии, отчасти исчерпали свои возможности и столкнулись с новыми течениями, стремящимися построить строгое трансцендентальное мировоззрение, — с неокантианством и феноменологией. И это не проходит мимо внимания А. Ф. Лосева. Общая атмосфера заката старой культуры, потрясения, вызванные в общественном сознании мировой войной, также не могли оставить его равнодушным. Возможно, именно в это время формируется его интерес к философии культуры, к универсальным закономерностям, выражающим себя в мировой истории. Поэтому не удивительно, что книги 20-х годов оказались не дебютом, а зрелым результатом и незаурядного дара, и необыкновенного времени. В этих книгах ученый тридцати с небольшим лет выполняет работу, достойную того, чтобы увенчать долгую жизнь кабинетного специалиста, посвятившего себя теории. Выработанная в них новизна подхода к предмету и по сей день может считаться непревзойденным образцом синтеза конкретного филологического исследования с глубоким философским обобщением материала. В этих работах лежат и истоки главного труда А. Ф. Лосева в 60—70-е годы — многотомной «Истории античной эстетики», — беспрецедентного по эмпирическому охвату, глубине и детальности осмысления античной духовной культуры как цельного явления.

Обратим внимание на некоторые особенности историко-философского метода А. Ф. Лосева. Одна из ведущих тем его творчества — пересмотр устоявшегося представления об античности. В свою очередь, в центре этой темы — уроки, которые философ извлекает из многовековой истории платонизма. Нетрудно вспомнить, что мыслители европейской традиции едва ли не каждый новый этап открывали с прочтения заново античности. Тем более интересно отметить новые мотивы, зазвучавшие у А. Ф. Лосева: открытие неисчерпанного потенциала платонизма сочетается в его трудах с тщательным определением границ платонизма, а то и с прямой «анафемой» ему; изучение логической структуры античного мышления слито со вниманием к социальности, к исторической динамике; анализ мыслительных форм доводится до сжатой формулы, анализ исторической психологии доводится до портрета, а в результате оказывается, что то и другое — неразрывные части некоего целого. Обращает на себя внимание собственно метод исследования, соединяющий кропотливую эмпиричность и глобальность теоретических обобщений. Здесь неуместно и невозможно было бы давать научное толкование этим особенностям его метода.

Хотелось бы лишь обратить внимание на то, что мы сталкиваемся с новым ви́дением судьбы европейской культуры и — более того — не сможем сделать что-то реальное в своей науке, не учитывая работы А. Ф. Лосева.

Об Алексее Федоровиче написано на сегодняшний день уже немало, но стоит особо отметить удивительную независимость его личности от привычных нам норм и ритмов жизни ученого.

Плодотворное долголетие — не такая уж редкость, но поистине волшебным было непрерывное движение мысли ученого к новым результатам, — это акме, охватившее всю жизнь. Удивителен объем созданного и его значимость. Поражает разносторонность личности А. Ф. Лосева и в то же время ее собранность вокруг невидимого центра. Так, например, он занимался философией, филологией, музыкой, математикой, и именно этот идеальный квадривиум позволяет ему стать гуманитарием-энциклопедистом, рассматривающим феномены культуры в дополняющих друг друга аспектах мысли и слова, ритма и числа. Необычно сочетание глубокого профессионализма и тяги к изложению идей на простом, всем доступном языке, которое делает ряд лосевских работ прекрасным введением в философские глубины. Не назовешь обычным и его противостояние «духу времени» (если только можно назвать так доминирующие тенденции культуры), который побуждает гуманитарные исследования распадаться на плоский эмпиризм и формалистику, на беспочвенную схоластику и варварский практицизм, — ведь этим современным бедам метод А. Ф. Лосева противостоит именно своей чуткостью к сегодняшним проблемам духа, участием в самых серьезных схватках «битвы за логос», идущей в XX в. Столь же необыкновенно, что ученый, одним лишь своим присутствием среди нас связывавший две глубоко отличные эпохи русской культуры, сам же во многом и осуществил то, что обещала в начале века та эпоха, и то, что является долгом этой эпохи. Разумеется, на нашу долю остается достаточно, но именно поэтому творчество А. Ф. Лосева обладает такой притягательной силой для гуманитариев.

Может быть, главное, чем может «отдариться» современная наука в год юбилея А. Ф. Лосева, омраченного, увы, и глубокой скорбью, — осознанием перемены, наступившей в подходе к его трудам. Мы еще не издаем его ранних работ, как в США, и не проводим ежегодные семинары по «Философии имени», как в Марбурге, но уже понимаем, что пришло время не только цитирования его работ, но и их изучения как цельного и жизненно необходимого явления современности.

А. Доброхотов